

Пораженчество

Теодор В. Адорно

1968

Нас, более старших представителей того явления, для которого прижилось наименование «Франкфуртская школа», с недавних пор стали охотно упрекать в пораженчестве. Дескать, мы хотя и развили элементы критической теории общества, но не готовы сделать из них практические выводы. Мы не выпускали ни программ действия, ни поддерживали действий тех, кто вдохновлялся критической теорией. Я обойду вопрос, насколько этого можно требовать от мыслителей-теоретиков, в определённом смысле чувствительных и ни в коем случае не удароустойчивых инструментов. Задача, выпавшая на их долю в общественном разделении труда, может показаться сомнительной, а сами они деформированными ею. Но они ею также и сформированы; разумеется, они не могут простым усилием воли отменить то, во что они превратились. Я не могу отрицать момент субъективной слабости, присущий концентрации на теории. Более важной мне кажется часть объективная. Легко опровергаемый упрёк, например, звучит следующим образом: тот, кто сомневается в возможности радикальных общественных изменений в данное время и поэтому не участвует в зрелищных, насильственных акциях, тот отошёл от дел. Он не считает реализуемым то, что кажется ему желаемым; вообще же, ему и не хотелось это реализовывать. Тем, что он оставляет условия такими, как они есть, он негласно соглашается с ними.

Удалённость от практики всем кажется подозрительной. Подозрителен тот, кто не хочет ухватиться покрепче и испачкать свои руки, как если бы отвращение к этому, напротив, не было легитимным и лишь испорченным привилегиями. Недоверие к недоверяющему практике простирается от тех, кто повторяет за противником «Хватит болтовни!», до объективного духа рекламы, распространяющей образ — они называют его моделью поведения — активно действующего человека, будь он хоть промышленным магнатом, хоть спортсменом. Необходимо участвовать. Кто думает, кто отстраняется, тот — слаб, труслив и, возможно, предатель. Враждебное клише интеллектуала оказывает своё воздействие, даже если они того не замечают, глубоко в группу тех оппозиционеров, которые в свою очередь подвергаются ругани как интеллектуалы.

Мыслящие акционисты отвечают: изменить следует, помимо прочего, именно это состояние разделения теории и практики. Именно для того и нужна практика,

чтобы избавиться от власти практичных людей и практического идеала. Только из этого молниеносно получается запрет на мысль. Минимального достаточно, чтобы репрессивно обратить сопротивление репрессиям против тех, кто, сколь мало они обожествляют свою самость, всё же не могут отказаться от того, чем они стали. Часто упоминаемое единство теории и практики обладает тенденцией превращаться во власть практики. Некоторые течения даже критикуют самую теорию как форму угнетения; как если бы практика не была связана с ней куда более тесно. У Маркса учение о том единстве вдохновлялось — уже тогда нереализованной — возможностью действия. Сегодня же дело начинает выглядеть совсем наоборот. Люди хватаются за действие во имя невозможности действия. Уже у Маркса в этом вопросе сокрыта травма. Он мог столь авторитарно высказывать одиннадцатый тезис о Фейербахе потому, что не был особенно сильно в нём уверен. В свою молодость он требовал «безоглядной критики всего сущего». Затем он насмеялся над критикой. Но его знаменитая шутка против младогегельянцев, выражение «критическая критика», оказалась неразорвавшейся бомбой и пшикнула простой тавтологией. Форсируемое преимущество практики иррациональным образом обезвредило даже практикуемую самим Марксом критику. В России и в (марксистской – п.п.) ортодоксии других стран едкие насмешки над критической критикой превратились в инструмент для того, чтобы существующее смогло стать столь ужасным. Практикой считалось только: наращиваемое производство средств производства; критика кроме той, что затрачивается недостаточно труда, больше не терпелась. Столь легко подчинение теории практике выливается в очередное угнетение.

Репрессивная нетерпимость к мысли, к которой сразу же не прилагается инструкция к её применению, основана на страхе. Необходимо опасаться непокорной мысли и позиции, которую невозможно монетизировать, т.к. в глубине души мы знаем то, в чём нельзя себе признаться: что мысль права. Старинный буржуазный механизм, хорошо знакомый просветителям 18-го столетия, применяется снова, но в неизменной форме: страдание от негативного состояния, в этот раз от заблокированной реальности, обрушивается в виде гнева на того, кто его высказывает. Мысль, осознающее себя Просвещение, грозит расколдовать псевдореальность, в которой, согласно формулировке Хабермаса, двигается активизм. Оному предоставляется свобода действий, потому что он расценивается как псевдореальность. Ей присуща, как субъективное поведение, псевдоактивность, такое действие, которое переигрывает и раззадоривает само себя ради собственной publicity, не признаваясь себе, в какой мере оно служит заместительному удовлетворению и становится самоцелью. Запертые внутри отчаянно хотят на свободу. В подобных ситуациях либо больше не думают, либо думают при ложных предпосылках. В абсолютизированной практике можно только реагировать и поэтому всегда ошибочно. Выход могло бы найти только мышление, причём такой, которому не предписано, каким он должен быть, как это часто бывает при дискуссиях, когда уже ясно кто должен оказаться прав, и которые не помогают в деле, а тут же изворачиваются до тактики. Если двери заколочены, то мысли ни в коем случае нельзя останавливаться. Она должна проанализировать причины и сделать из них выводы. Она не может согласиться с ситуацией как безвыходной. Если её (ситуацию) и следует изменить, то посредством её неограниченного понимания.

Прыжок в практику не излечивает муть от пораженчества, пока он оплачивается потаённым знанием, что так всё равно ничего не получится.

Псевдоактивность вообще является попыткой спасти анклав непосредственности посреди насквозь опосредованного и закостенелого общества. Рационализируется это тем, что каждое маленькое изменение служит этапом на длинном пути к изменению всего. Фатальная модель псевдоактивности — это «do it yourself», «сделай сам»: работы, которые уже давно могут быть выполнены лучше при помощи промышленного производства, необходимые только для того, чтобы вызвать у лишённых спонтанности индивидов чувство уверенности, что и они на что-то годны. Бессмыслица «сделай сам» при производстве материальных благ, да и при многочисленных ремонтных работах, очевидна. Но она не тотальна. При дефиците так называемых *services*, услуг, производимые частным лицом устаревшие с технической точки зрения мероприятия иногда служат якобы рациональной цели. «Сделай сам» в политике — не совсем то же самое. Непреодолимо противостоящее людям общество — это они же сами. Вера в ограниченное действие малых групп напоминает о спонтанности, отмирающей под гнётом грубого целого и без которого оно не может стать другим. Управляемое общество обладает тенденцией душить спонтанность и, не в последнюю очередь, канализировать её в псевдоактивность. Это, по крайней мере, не работает так безупречно, как на это надеются агенты управляемого общества. Тем не менее, не стоит абсолютизировать спонтанность, не стоит отделять её от объективной ситуации и обожествлять как и сам управляемый мир. Иначе топор, который не жалеет и самого плотника, начинает рубить следующую дверь и на место прибывает штурмовой отряд. Политические преступления тоже могут деградировать до псевдоактивности, до театра. Не случайно то, что идеалы непосредственного действия, сама пропаганда действием, вновь воскресли после того как прогрессивные организации охотно интегрировались и по всему земному шару проявляют черты того, против чего они некогда боролись. Но этим критика анархизма не исчерпалась. Его возвращение — это возвращение призрака. Нетерпение в отношении теории, проявляющееся в нём, не ведёт мысль за её границы. Когда она забывает о нём (о неоанархизме — п.п.), она падает ниже его уровня.

Для индивида это облегчается его капитуляцией перед коллективом, с которым он себя идентифицирует. Ему не приходится признавать своё бессилие; немногие становятся многими. Отчаянием служит этот акт, а не острая мысль. Между Я и коллективом, которому оно перепоручает себя, нет какой-либо ясно очерченной связи. Я должно перечеркнуть себя, дабы испытать на себе милость коллектива. Непередаваемо изменился категорический императив Канта: ты должен подписать. Чувство нового уюта оплачивается жертвой автономного мышления. Обманчиво утешение, мол, в контексте коллективного действия лучше думается: мышление как простой инструмент акций притупляется как и инструментальный разум вообще. В этот момент не видно никакой высшей общественной инстанции: посему всё, что кажется, что находится на расстоянии вытянутой руки, является чем-то регрессивным. А тот, кто деградирует, тот, согласно Фрейдю, не достиг своих инстинктивных целей. Деградация — это в объективном плане отказ от удовлетворения, даже если сам себе от кажется противоположностью и беспечно пропагандирует принцип удовольствия.

Напротив, бескомпромиссно критически мыслящий человек, не переписывающий своё сознание и дающий гнать себя на действия, на самом деле является тем, кто не отступает. Мышление не есть умственное воспроизводство того, что и так уже существует. Пока оно не прекращается, остаётся открытой возможностью. Его неукротимое нежелание дать усмирить себя сопротивляется одурманивающей мудрости пораженчества. Утопический момент в нём тем сильнее, чем меньше оно — и это тоже одна из форм регресса — овеществляется в утопию и саботирует тем самым её воплощение. Открытое мышление указывает за свои границы. В свою очередь, это поведение, форма практики куда более родственная изменяющей деятельности, чем та, которая действует ради самой деятельности. Собственно мышление ещё до всякого содержания является силой сопротивления и было отчуждено от него лишь при помощи значительных усилий. Столь позитивное понятие мышления, кстати, не покрывается ни существующими условиями, ни целями, которые предстоит достигнуть, ни каким-либо батальонами. То, что однажды было помыслено, можно подавить, забыть, развеять. Но нельзя отрицать, что что-то из этого останется. Ибо мышление обладает моментом всеобщего. Что было помыслено верно, должно быть помыслено и другими где-то ещё: эта вера сопровождает даже самую одинокую и беспомощную мысль. Кто мыслит, тот при всей критике не злится: мышление сублимирует ярость. Т.к. мыслящий не обязан причинять этого себе, он не хочет причинять этого и другим. Счастье, расцветающее в глазах мыслящего, есть счастье человечества. Универсальная тенденция угнетения направлена против мысли как таковой. Мысль является счастьем даже там, где она определяет несчастье: там, где она его высказывает. Уже только этим счастьем вторгается в универсальное несчастье. Тот, кто не даёт это в себе уничтожить, тот не сдался.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Теодор В. Адорно
Пораженчество
1968

<https://liberadio.noblogs.org/?p=2890>
Перевод с немецкого.

ru.anarchistlibraries.net